

ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В РОССИИ

Резкий рост российского регионализма — это политическая проблема, которая явилась следствием драматических изменений в советском обществе на рубеже 80-90-х годов. Данная глава доказывает, что в формирующемся государстве, где нет единой системы политического целеполагания, резкая смена социального порядка неизбежно влечёт за собой становление разнородных и разнотипных региональных политических систем. Невнятность базовых параметров новой российской государственности, неспособность этого государства осуществлять объединяющую функцию оказали отрицательное воздействие на процессы гражданской интеграции в обществе и открыли дорогу региональному самоутверждению.

2.1. Системный кризис и развивающаяся регионализация государства

Перестройка и последовавший за ней распад СССР дали толчок к развитию множества кризисных явлений, характерных для парадигмы Смуты. К концу 80-х гг. КПСС все еще оставалась единственной центристской силой в обществе, в котором все более увеличивались центробежные силы. Она более или менее успешно исполняла инструментальные политические функции выражения и канализации требований в советском обществе. Это поддерживалось вертикальной интеграцией и кооптацией региональных элит в систему управления и координацией их активности через систему партийных комитетов. В бывшем СССР все региональные лидеры одновременно являлись субъектами центральной власти, автоматически получая статус членов ЦК КПСС и депутатов Верховного Совета. На эту властную вертикаль опиралось все здание государства. Коллапс системы, распад СССР и исход партии привели к окончательному разба-

лансированию партийных комитетов, включая ключевой региональный мезоуровень—обкомы и горкомы, которые вместе с номенклатурной системой назначений составляли систему, на которую опиралась монополия КПСС.

Ликвидация партии привела к хаосу в прежней системе официальных и неофициальных линий координации, в структуре инкорпорации региональных представителей. Тем самым была нарушена процедура по собиранию и интегрированию региональных требований. Однако коллапс партии не был роспуском того, что американский политолог Джеффри Хаф назвал «альянсом единства интересов» среди региональных элит¹. Изучение локальных властей в России подтверждает сохранение господства прежних правящих элит в большинстве регионов² и демонстрирует, что их ответом на генеральный кризис политической системы в стране был усиливавшийся локальный партикуляризм.

Провозглашение российского государства после разрушения СССР не остановило дальнейшую фрагментацию общества. Более того, начало рыночных реформ в 1992 г. стало новым этапом в процессе регионализации государства. Подобно тому, как горбачевская перестройка открыла матрешку национализма, который разрушил Советский Союз, так ельцинская «шоковая терапия» открыла матрешку регионализма, который стал серьезной угрозой единству российского общества.

Стремление российского руководства развивать одновременно рыночную экономику и политическую демократию явилось серьезным стимулом к усилению процессов регионализации. Дополнительной причиной отрыва центра от провинции послужило то, что первые два года российской независимости проходили под знаком нарастающей борьбы между Президентом Ельциным и Верховным Советом. Федеральный центр, поглощённый борьбой исполнительной и законодательной властей, по сути, отстранился от курса на регионализацию рыночной реформы. Политика обеих соперничавших ветвей федеральной власти сводилась к спорадическим визитам в провинции, в ходе которых давались обещания, выдвигались инициативы и делались заявления. Регионы превратились в разменную монету в борьбе между двумя центральными элитами: президентской и парламентской. Даже ключевые решения о локальном налогообложении, финан-

сах, инвестициях, которые являются критически важными для успешного перехода к рынку, были сделаны «на ходу», в течение кратковременных визитов. Сами решения выглядели, скорее, как обещания, а не как реалистически продуманные действия.

Именно тотальная неэффективность расколотой государственной власти в России создала беспрецедентные возможности для развертывания регионализма. Используя поглощённость федеральных структур междоусобными схватками, их стремление опереться в этих схватках на регионы, местные элиты значительно увеличили свой вес и влияние. Открылось огромное поле для складывания «снизу» новых типов экономического и политического взаимодействия, повседневческих норм, нестандартных идеологических лозунгов.

В данной ситуации процесс складывания «общества регионов» и выдвижения региональных элит можно рассматривать как часть более широкого процесса приспособления. Новаторская деятельность ответственных провинциальных руководителей развёртывалась перед лицом подстерегающего общества хаоса. Местные лидеры в меру своих возможностей пытались оградить свои регионы от беспорядочной борьбы за власть в центре. Вот как объяснил Эдуард Россель скандальную историю с провозглашением Уральской Республики Президенту Татарстана Шаймиеву: «...первая идея объединения Уральского региона возникла на базе развала. В то время, когда все на глазах разваливается, прямые связи с Москвой ликвидируются, а другой идеологии или эффективного управления не разработано и не предложено, мы оказались брошены, и каждый, в зависимости от своего уровня развития, определял, как быть в данной ситуации»³. Думается, что подобные усилия провинциальных лидеров на местах сумели погасить влияние, оказываемое эксцессами в федеральном центре, а заодно сформировать особенности нынешнего регионального развития России.

Новейшая российская «смута», разрушив прежние механизмы взаимодействия центральной и региональных элит, дала полный простор для политического самовыражения на местах. Можно уверенно говорить о развертывании в этот период массового локализма. Так, один из бывших генпрокуроров России В. Степанков констатировал, что «повсеместно Советы и местные администрации необоснованно присваивают себе функции законодателя»⁴.

Недостаток в развитии региональной политики для осуществления рыночных реформ явился критическим изъяном в гайдаровской программе «шоковой терапии». В целом деятельность российских реформаторов обнаружила их нежелание ясно признать, что процесс выработки и проведения политики реформ мог бы выиграть от участия групп, представляющих различные региональные интересы. Вместо этого, как справедливо отметили Л. Нельсон и И. Кузес, предпочитаемая ими стратегия состояла в том, «чтобы навязанный план реформ мог осуществляться при минимальном вмешательстве «извне», т.е. со стороны разнообразных категорий тех, кому придется с оными реформами жить»⁵. «Шоковая терапия» не была созвучна особенностям регионов в терминах их социально-экономической структуры, природных ресурсов, демографического профиля, уровня урбанизации, климатических условий и транспортных сетей. Региональные различия в осуществлении рыночных реформ поставили многие регионы в катастрофическое положение, особенно те, где существует высокая концентрация предприятий ВПК⁶. Когда «шоковая терапия» стала сопровождаться «политикой визитов», проводимой центральными властями вместо последовательной стратегии по инкорпорации регионов в реформаторский процесс, усилилась политическая мобилизация как в отдельных провинциях, так и в региональных ассоциациях.

Другой причиной политизации провинций и увеличения региональной оппозиции центру было поведение сторонников «Демократической России», ельцинской протопрезидентской партии. Они интерпретировали феномен регионализма как тактический ответ старой коммунистической номенклатуры в регионах на вызов со стороны демократического и реформаторски мыслящего правительства Ельцина. На их взгляд, например, в региональной ассоциации «Сибирское Соглашение» доминировала «партократия», которая стремилась вывести Сибирь из-под юрисдикции России в целях ослабления Ельцина⁷. Эти и другие регионы (в частности, Ульяновская область) еще в конце 1991 г. получили от ельцинского окружения ярлык «российской Вандеи», сопротивляющейся проведению глубоких реформ⁸.

Впоследствии, уже в 1992г. начала складываться и психологическая несовместимость интеллектуала-книжника Гайдара с большинством прагматически мыслящих провинциальных лидеров. Как отметил Б Пядышев, упоминание в выступлениях имени главного рефор-

матора Егора Гайдара неизменно вызывало у региональных лидеров ироническую улыбку. Для них высокий слог документов и установок на глобальную экономическую реформу звучал высокопарно и отдаленно. Этим людям было не до мудрёных концепций экономистов - принстонцев, их голова болела о другом - как выжить области⁹. Подобная ситуация вызывала неприятие предлагаемых командой Гайдара реформаторских рецептов. Приход Черномырдина - опытного хозяйственника, человека той же генерации, что и большинство региональных лидеров, значительно ослабил возникшее напряжение.

Ельцинское правительство начало обращаться к проблеме регионализации реформ с опозданием, лишь с середины 1992 года. В обращении к региональным руководителям на встрече в Чебоксарах в сентябре 1992 г. Ельцин признал что региональные проблемы реформаторского курса проигнорированы, и что необходимо перенести фокус реформ с Москвы на регионы¹⁰.

Однако уже в течение 1992 г. как отдельные регионы, так и региональные ассоциации становятся более зрелыми политическими агентами для канализации региональной оппозиции Москве. Это провоцировалось, в первую очередь, экономическим кризисом, который ускорил стремление отдельных провинций к закрытой кооперации.

Региональная дифференциация стимулировала возникновение особых типов политического и геополитического поведения. Модели договорной федерации придерживаются руководители Татарстана, Республики Саха, Башкортостана. У различных регионов формируются новые, специфические геополитические ориентации (у Дальнего Востока и Приморья на Китай, Японию, Южную Корею; у Тувы и Бурятии - Монголию и Китай; у Карелии - на Скандинавию и т. д.). Возникают и распадаются межрегиональные коалиции различного типа: «Сибирское соглашение», «Северо-Запад», «Черноземье», «Большая Волга» и др.

Региональная дифференциация подталкивается существующими экономическими различиями во-первых, по типу «дотируемые регионы - дотируемые регионы»¹¹ и, во-вторых, по типу особенностей процесса экономического воспроизводства:

- регионы, обладающие значительным экспортным потенциалом энергоресурсов (Тюменская обл . Татарстан, Коми, Башкортостан, Красноярский край и др),

- регионы, обладающие достаточно разнообразными ресурсами других полезных ископаемых (Республика Саха, Свердловская, Кемеровская области и т.д.);

- регионы, обладающие потенциалом вывоза за свои пределы важнейшей сельхозпродукции (Краснодарский и Ставропольский края, Белгородская, Курская, Саратовская, Астраханская области и т.д.);

- регионы, обладающие высокотехнологическим потенциалом (Москва, Санкт-Петербург, Самара, Новосибирск, Нижний Новгород, Пермь, Челябинск и т.д.).

С началом рыночных реформ чётко выявляется картина разделения России по принципу «Северо-Юг» (промышленно развитые и богатые сырьем области Севера и Востока и бедные аграрные регионы Юга). Это стало следствием исторически унаследованной структуры развития экономики, а также все возрастающей с начала 90-х гг. тенденции превращения сырьевого сектора в стеновой хребет российской экономики. Результатом сырьевой ориентации стало географическое смещение оси промышленного развития на Дальний Восток, в Западную и Восточную Сибирь, на север европейской части России. Так, 11 наиболее преуспевающих российских территорий из 15 находятся именно в этих регионах. Тогда как 14 из 16 наиболее депрессивных территорий - на Северном Кавказе (5), в Центральном районе (6), в Северо-Западном (1), Поволжском (1) и на Урале (1). На Западную Сибирь - главный центр нефте-и газодобычи - приходится сейчас почти 50% ввода основных промышленных фондов, тогда как в Центральном районе инвестиции, главным образом, идут в непроеизводственную сферу¹².

В условиях системного кризиса процессы региональной дифференциации привели к тому, что существенно обострились межрегиональные противоречия. В частности, можно отметить стремление стать экономически самодостаточными тех провинций, которые вывозят энергоресурсы, сырье и продовольствие. Усиливается социокультурный разрыв между регионами, особенно между наиболее податливыми к «западной модернизации» (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, приморские «регионность» во внешний мир), и регионами, где доминирует «российский традиционализм»

Таким образом, неуправляемый системный кризис в России может быть описан через процессы развивающейся регионализации государства и хаотической децентрализации власти. В этих условиях вряд ли стоит преувеличивать роль и значение межрегиональных ассоциаций (типа «Сибирское Соглашение», «Большая Волга» и т. д.), особенно их сплоченность и долговечность. На ранней стадии проведения рыночных реформ некоторые из них стали механизмами для передачи региональных требований центру, заменяя недостаток административных и финансовых средств привлечением политических ресурсов: лоббирования и пр.¹³

Весьма характерной является ситуация, в которой отдельные регионы подвержены хаотическому «броуновскому движению» в поисках своей конкретной региональной и культурной идентичности. Это обуславливает формальный характер существования многих провозглашенных ранее межрегиональных ассоциаций и, в целом, свидетельствует о «разорванном» характере экономического и политического пространства Российской Федерации. Например, бездействует ассоциация «Большая Волга», созданная в 1990 г. из нее вышла республика Марий Эл, затем Калмыкия присоединилась к Северокавказскому региональному союзу, а Татарстан вошел в Ассоциацию нефтедобывающих регионов России. Это означает, что регионы ищут альтернативные формы взаимодействия, которые зачастую лишь подчеркивают их стремление уйти из-под сложившегося макрорегионального деления. Пожалуй, за исключением «Сибирского Соглашения», другие межрегиональные ассоциации не отличаются ни устойчивостью, ни организованностью. Поэтому вряд ли стоит говорить о них как о прочных структурах, играющих важную роль в институционализации центр-региональных конфликтов¹⁴.

Приведённые примеры позволяют говорить об общем процессе хаотической децентрализации власти и неуправляемой регионализации, в результате которых происходила спонтанная фрагментация властного пространства, размывание власти как целостного феномена, появление новых властных субъектов, а также формирование новой геополитической реальности.

Активизация регионализма в посткоммунистической России (если отойти от драматических обстоятельств развала СССР и неуправляемого системного кризиса в обществе) обусловлена также объек-

тивным процессом глобальной регионализации в мире. Прежде всего это результат действия сопутствующих созданию рыночной экономики тенденций к децентрализации управления. Здесь должно присутствовать понимание того, что многие виды государственной деятельности должны быть децентрализованы. Усиление региональной власти по отношению к центральной представляет собой феномен, обусловленный революцией в информационных технологиях, структуре капитализма и методах ведения бизнеса¹⁵.

Глобализация экономического развития вызывает важные последствия для государств: с одной стороны, она повышает удельный вес экономических проблем в их внешней политике, а с другой - требует подключения к ней субъектов федераций. Все это указывает на то, что подобная взаимозависимость объективно увеличивает роль провинций в мировой экономике.

В условиях демократического развития федеральная власть может и должна выражать и проводить в жизнь общенациональные интересы. Но она при всем желании не способна учесть массу специфических региональных интересов, удовлетворение которых нередко требует выхода за пределы государственных границ. Это тем более верно применительно к большим по размерам странам с региональной экономической специализацией, с большими территориальными и социально-этническими особенностями их частей¹⁶.

Серьезные изменения в территориальной картине мира все больше определяются технологическими инновациями. Уже давно идущая на Западе и становящаяся заметной в нашей стране структурная перестройка вызывает серьезные территориальные подвижки. Этот процесс усложняется и ускоряется циклическими волнами технических нововведений. Стремительный в качественном и количественном отношении прогресс в области средств прямой радиотелефонной и волоконно-оптической, космической (спутниковой) связи, дальних аудио-, видеотелекоммуникаций в сочетании с компьютерными сетями обуславливает подлинный переворот в развитии территорий¹⁷.

На фоне данных объективных тенденций любые попытки наращивания централизма в управлении национальными государствами могут привести к дисфункциональности институтов государства, рамок для политических, экономических и социальных организаций, а также к игнорированию их значительных общественных связей и си-

нергетических сетей, которые являются кросс-национальными и региональными по своей ориентации. Формирование рыночных отношений ведёт к увеличению числа независимых субъектов хозяйственной деятельности, в том числе регионов Регионально-городской мезоуровень управления в национальной системе, в котором каждый регион и региональная ассоциация являются прототипом для России, становится ключевым агентом политической организации и формой констелляции экономических связей с транснациональными компаниями в достижении конкурентной выгоды¹⁸. Если Россия и дальше будет интегрироваться в мировое хозяйство, то это неизбежно поведет ее по пути экономической глобализации. Данный процесс повсеместно проходит параллельно с другой тенденцией внутри развивающегося индустриального мира-регионализации.

Уже сегодня по мере движения России навстречу мировой экономике отдельные части ее обширной территории все больше втягиваются в мощные региональные торговые связи по образцу современных международных коммерческих отношений. Решение современного спора о правах собственности на природные ресурсы, такие как нефть, природный газ, лес, уголь, алмазы (это один из стержневых аспектов борьбы между центральными, региональными и местными правительственными структурами современной России) оказывается ключевым для регионального экономического развития. В Сибири «Сибирское Соглашение» объединило провинциальные администрации в структуру, которая стремится вырвать прямой контроль над естественными богатствами и торговой политикой из рук центрального правительства. На Дальнем Востоке местные экономические элиты Приморского и Хабаровского краев неизбежно тяготеют к отлаженным связям тихоокеанской торговой зоны. От того, как эти регионы пойдут в рост, смогут установить между собой связи и интегрироваться в мировую экономику, зависит общее развитие российской экономики.

Однако все перечисленные выше процессы — при всей их значимости и очевидности — все же не дают полного ответа о причинах и ресурсах российского регионализма.

*2.2. Идеологический коллапс
и возникновение «общества регионов»¹⁹*

Одним из наиболее мощных иницирующих факторов российской регионализации стал идеологический, культурно-цивилизационный фактор. Феномен региональных политических идеологий мог появиться на основе локализации политических и экономических интересов местных элит в масштабах своих сообществ, на основе превращения последних в пространство собственного исторического творчества и одновременно в пространство своей идеологической колонизации.

Исторически идеологии возникают вследствие разрушения институтов власти и полной дезинтеграции ортодоксальных систем взглядов, связанных с ними. Поэтому представляется целесообразным обратиться к тому кризису основ политического порядка, что был порожден к началу 90-х годов частичными результатами перестройки.

С конца 80-х гг. перестройка развивалась как радикальный пресмотр марксистско-ленинской ортодоксии с переходом к поверхностному восприятию основных (часто до предела упрощенных) догматов западной либеральной философии (примат общечеловеческих ценностей, ограничение вмешательства государства в дела общества, политический и идеологический плюрализм и т. п.). На этом фоне возникали новые идеологические течения, бросавшие вызов и социал-демократии, и «новому мышлению» Горбачева. Их разброс был весьма широким: от откровенного прозападничества радикальной интеллигенции в лагере Ельцина до национализма «Памяти» и сепаратистских лозунгов Народных фронтов в национальных республиках.

Большую роль в утрате прежних форм культурной и исторической самоидентификации советских людей сыграл «большой пресмотр»²⁰, инициированный на этапе гласности. Под прикрытием критики сталинщины страна начала серьезно разбираться со всем своим прошлым. За какие-то несколько лет коренным образом изменились представления о прошлом и настоящем. Побывавший в Саратове летом 1991 г. американский историк Дональд Рейли писал: «У меня больше не осталось никаких сомнений в том, что система ценностей всей страны была поколеблена годами брожений и непрерывных открытий в трагической истории государства»²¹. Превратившееся в годы перестройки в систему развенчание коммунистического прошлого осла-

было эмоциональное поле общности, интегрировавшего советское общество, и весьма способствовало его распаду. Все это вместе взятое вело общество к концептуальному замешательству по поводу природы социального порядка. Данная ситуация есть пример того, что истощение идеологий закономерно приводит к высвобождению огромных социопсихологических энергий, которые прежде структурировались идеологиями.

Ко времени августовского путча страна находилась в состоянии, когда масштабы функциональной беспомощности горбачевского руководства соответствовали только масштабам нарастающей идеологической анемии и темпам политического распада.

Послеавгустовская Россия 1991 -93 гг. оказалась в ситуации еще более острого идеологического конфликта. Рыночный идеал, в принципе недостижимый для нынешнего поколения россиян, сделался предметом актуальной политики либеральной номенклатуры. Причем этот идеал постоянно подпитывался выпячиванием негативного содержания советской истории и созданием наиболее отталкивающего образа коммунистического прошлого. Ведущие органы демократической печати утверждали, что советские люди 70 лет «строили сумасшедший дом» в «несчастной», «невезучей», «богом проклятой стране», население которой они презрительно называли «совками»²². Другой стороной подобной актуализации служило создание образа врага в лице российского Верховного Совета через использование таких эпитетов, как «красно-коричневые», «коммунистическая номенклатура», «силы реванша» и т. п. Особенно интенсивно идеологические кампании разворачивались в периоды политических «стометровок» Ельцина: референдумов, съездов Верховного Совета, избирательных кампаний, выступлений и обращений. В итоге, уже апрельский 1993 г. референдум обнаружил масштабную поляризацию в российском обществе. Ни Ельцин, ни парламент не пошли на политический компромисс. Борьба между Президентом и Верховным Советом вела общество к расколу, поставив его на грань гражданской войны, что показали события октября 1993 г. в Москве. За прошедшие годы существования России (как нового государства) её власти так и не смогли разработать сколько-нибудь связную систему национальных приоритетов и ориентаций на историческую перспективу. Максимум концептуальности на сей счет был достигнут, пожалуй, в выступлении Б. Ельцина в американском

конгрессе Там было заявлено, что «коммунистический идол рухнул навсегда» и что «Россия окончательно сделала выбор в пользу цивилизации, здравого смысла, общечеловеческого опыта»²³. Пожалуй, в этом высказывании и заключалась вся «глубина» и «концептуальность» новой официальной идеологии России²⁴.

Без ориентира в виде национально-государственного идеала, формирующего массовые ценности, трудно идентифицировать национальные интересы страны. Его отсутствие автоматически влечет за собой трудности в определении внутривнутриполитических и внешнеполитических целей, стратегии и тактики их осуществления. Убедительный диагноз такому положению дел поставил С. Шахрай, который признал что «ресурсная база для построения актуальной картины состояния России и мира — основы системы государственного политического и геополитического «видения» — атомизирована, фрагментарна, технически несовместима и сейчас не может служить надежным фундаментом для обеспечения государственного целеполагания»²⁵. В результате образовался порочный круг, неумение поставить цель и спланировать пути продвижения к ней сопровождалось и вело к потере опыта ориентирования в действительности, а значит, к разрушению системы оценки ситуации и принятия решения, а отсюда - к развалу системы целеполагания. Это можно было уже охарактеризовать как распад воли и осознания своего «Я» у Российского государства.

В конечном счете, такое государство, во-первых, становится чрезвычайно зависимым от любого внешнего идеологического воздействия, связанного с целеполаганием, рекомендациями в стиле «что нужно делать России». Во-вторых, государство оказывается абсолютно беззащитным перед действиями любой, достаточно разветвленной организации, которая обладает способностями к стратегическому целеполаганию, владеет ремеслом принятия и продвижения решений и достаточно дисциплинирована для согласованной реализации своих планов²⁶.

Однако при всей очевидности данных процессов лишь немногие аналитики отметили, что нынешняя разруха в экономике и люмпенизация населения — феномен не столько социально-экономический в собственном смысле, сколько культурный, в основе которого лежит цивилизационная дезориентация народа.²⁷ Как свидетельствует российский экономист В. Попов, многие тягостные проблемы формиру-

ющегося рыночного хозяйства в России есть симптомы социальной болезни, порожденной расколом общества, неспособностью ведущих социально-политических сил достичь согласия насчет основных экономических процессов.²⁸

Наше понимание причин регионализма и выдвижения локальных элит в центр российской политики станет более ясным, если посмотреть на события со стороны пережитого россиянами душевного и культурного (внутреннего) потрясения.

Такие исторические события, как распад СССР, драма «шоковой терапии», попытки разрыва с прошлым, вызывали у людей чувство тревоги и смятения. Как выразился Ю. Бялый, перестройка и постперестройка «выжгли все мировоззренческие мотивационные регистры вместе с их идеологическими связками»²⁹ Без преувеличения можно сказать, что процессы, характерные для массовой психологии россиян, были типологически близки к тем, что обычно сопутствуют резким разрушениям природы социального порядка. Реальной проблемой стала глубокая атомизация российского общества, доходившая порой до степени «приостановки» социальных связей и морально-политических обязательств. Происходила утрата идентичности в качестве граждан определенного государства, членов тех или иных социальных групп, резкое ослабление гражданской солидарности (на 18 процентных пунктов) Данные процессы поставили под угрозу саму возможность существования пространства гражданско-политического действия³⁰. И надо особо отметить, что состояние коллективного стресса в обществе во многом преодолевалось спонтанным выдвижением идеологических центров на периферии.

Именно в контексте этого глубинного политико-мировоззренческого кризиса различные идеологии регионализма приобретали свое значение Так, например, почти одновременно, начиная с 1992 г, лидеры Нижегородской, Ульяновской областей, Татарстана заявили о том, что политическая нестабильность и унифицированный гайдаровский вариант перехода к рынку должны остаться за пределами их регионов. Данным шагом правящие группы этих субъектов Федерации пытались удовлетворить возрастающую у населения потребность в социальном патронаже. Некоторые региональные лидеры превратились в своего рода культовые центры для населения своих регионов Говоря об этом, я несколько не утрирую Например, посетивший Ульяновск

корреспондент газеты «Уолл Стрит Джорнэл» Ади Игнатиус отметил, что глава администрации области Юрий Горячев почитаем на местном уровне едва ли меньше, чем Ленин в лучшую его пору: «Каждый день молюсь богу за Горячева», «Я за него — в огонь и в воду»³¹ — вот лишь некоторые высказывания пожилых граждан, демонстрирующих уровень лояльности населения области к своему губернатору в то время.

Исследовательница из Элисты Эльза-Баир Гучинова пишет, что в лице Кирсана Илюмжинова народ создал себе героя: умного, сильного, почти всемогущего, который сможет объединить всех калмыков и привести народ к процветанию. Во время своего первого избрания на пост президента Калмыкии он воспринимался в народе как ниспосланный Богом, как лицо, близкое мессии. Новое время потребовало своего героя, по значению эквивалентного героям эпического цикла «Джангар»³². Эти примеры показывают, что политические лидеры и властвующие группы указанных и ряда других провинций стали выразителями локальных ожиданий населения, порождая мифы коллективной судьбы на уровне обыденного сознания.

Как было отмечено, крушение прежней легитимности политического порядка сопровождалось тяжелым культурным кризисом. Именно такие условия чрезвычайно благоприятны для формулирования новых идеологий. Обстановка идейно-волевой прострации в обществе расшатывает систему мироощущений человека, рождает неудовлетворенность и требует определенного замещения. Во время кризисов, когда экзистенциальные вопросы обостряются, значимость ценностей, веры и системы убеждений возрастает. Данная взаимосвязь универсальна и неизбежна. Эта взаимосвязь подтверждает плодотворность и эвристическую ценность концепции Эдварда Шилза о применении понятия идеологии к системе убеждений такого типа, какой закономерно выдвигается на авансцену во время серьезных общественных кризисов³³. Данный подход полностью соответствует нашим наблюдениям кризисного сознания и кризиса ориентаций в российском обществе начала 90-х гг.

В условиях нарастающего регионализма главной задачей правящих групп становится легитимация своего статуса. Для наиболее активных и дальновидных региональных элит в России актуальной оказалась не ориентация на рыночные модели, усваиваемые через столицу, а выработка опережающей реформаторской стратегии. Их само-

утверждение происходило в рамках провозглашения самостоятельной концепции правления. Одна за другой на свет появились знаменитые модели регионального развития: «нижегородская», «ульяновская», «татарстанская», «калмыцкая» и др. Как правило, эти усилия сопровождались эффектным и выигрышным конфликтом с гайдаровским правительством, которое на местах наделялось отрицательным имиджем³⁴.

Идеологическое обоснование такого вызова со стороны локальных элит заключалось в выдвижении заявлений, что именно их путь есть исторически осмысленное поведение в интересах населения своих провинций. Так, госсоветник президента Татарстана Р. Хакимов заявил: «Почему следует российские реформы брать за эталон? Мне например, они больше напоминают хаос. Разве не имеет право Татарстан идти своим путем к реформам, отвечающим интересам его населения? Или в мире существует только один путь—предложенный Москвой?»³⁵ Этот и другие примеры свидетельствуют, что представления региональных лидеров о своей миссии требовали внутренней культурной реформации и демонстративного отказа от проповедуемых центром приоритетов. В данной ситуации различные региональные мировоззрения, программы и лозунги в значительной степени представляют собой компенсаторные реакции кризисного сознания, дополняющиеся кое-где экстаическими срывами³⁶. Выход из данного кризиса обеспечивает культурно-исторический уникум, каким является эмансипация региональных элит и появление идеологических центров на периферии.

Исторические вызовы осознаются многими региональными элитами. Это ведет к заметному расширению мотивационного горизонта и структуры политических целей. Типичный пример — следующее заявление из Казани: «Татарстан без национальной идеи, национальной цели, в конечном счете, будет восприниматься внешним миром как сепаратистски настроенная административно-территориальная единица, как часть целого, т. е. России. Татарстан, воодушевленный национальной идеей объединенный национальной целью, несмотря на все внешние и внутренние препятствия на пути к этой цели заявляет о себе мировому сообществу как исторически обусловленное и юридически законное государственное целое»³⁷.

Выводы по главе

Оказалось, что многие региональные элиты и локальные сообщества обладают значительным адаптационным и инновационным потенциалом перед лицом системного кризиса в обществе. Именно на локальном уровне энергично шёл процесс ценностной и институциональной перестройки.

Данное рассмотрение позволяет расширить понимание роли российских локальных элит поверх достаточно распространённого нормативно-правового подхода к проблеме регионализма. Дело в том, что многие специалисты видят проблему урегулирования взаимоотношений «центр-регионы» в чисто правовой сфере, занимаясь при этом выдвижением призывов о соблюдении законов в осуществлении государственной политики. В частности, такой авторитетный эксперт в вопросах федерализма, как Р. Абдулатипов предлагал создать закон о сохранении государственной и территориальной целостности Российской Федерации. Но трудно говорить о «четких правовых механизмах» в ситуации, когда, по словам самого Абдулатипова, «государство подчас отказывается от некоторых своих суверенных функций в отношении национальных и внутринациональных институтов, то есть составных частей государства»³⁸. В «Новой России» нет единой неделимой государственной воли, без чего не может быть и единого национального интереса. В условиях, когда центральная власть перестала быть выразителем и воплощением общего интереса, невозможно обеспечить подчинение ей всех составных частей государства. На этом фоне заявления о том, что все должно происходить по закону, принимают форму наставительной политологии и правовой дидактики (кто же будет выступать против закона?) и мало объясняют природу российской политики.

Внимание должно быть направлено на анализ того, какова мотивация политических лидеров и как эта мотивация может быть распознана посредством стимулов, заложенных в формулах правления региональных элит. Законы и соглашения на стимулы мало влияют, и только тогда выполнимы, когда находятся в соответствии с текущими эгоистическими интересами сторон. Политика федерального правительства и поведение региональных властей лишь в некоторой части будут определены формальными решениями, записанными во всевоз-

возможные договоры, уставы и конституции. Куда более сильным будет влияние тех стимулов, которые обуславливают поведение политиков на всех уровнях. Эти стимулы, в свою очередь, определяют то, какую форму примет политическая конкуренция внутри регионов и между регионами и центром. Характер и направление стимулов находят выражение через идеологическую мотивацию, которая и составляет формулу правления различных элит.

Примечания

¹ Hough J.F. The Soviet Prefects: The Local party Organs in Industrial Decision - Making. Cambridge, MA, 1969. P. 256.

² Исследования региональной власти в России свидетельствуют, что в подавляющем большинстве российских регионов прежняя правящая элита сохранила свое господство, перегруппировавшись организационно и заимствовав демократические ритуалы и риторику. И лишь в некоторых регионах прежняя элита была заменена новой (McAuley M. Politics, Economics and Elite Realignment in Russia: A Regional Perspective//Soviet Economy. 1992. № 1. P. 46-88, Магомедов А. К. Политическая элита российской провинции // МЭиМО. 1994. № 4. С 72-79. Достаточно сказать, что, по данным экспертов Института социологии РАН, в региональной элите люди, никогда не входившие ни в какую номенклатуру, составляли в 1994 г. лишь 17% (см.: Известия. 1994. 18 мая).

³ Стенограмма встречи Президента Республики Татарстан Шаймиева с делегацией Свердловской областной Думы и Ассоциации экономического взаимодействия областей и республик Уральского региона 5 июля 1994 г. // Протокольный отдел Администрации Президента Республики Татарстан.

⁴ Российские вести. 1993. 19 мая.

⁵ Нельсон Л.Д., Кузес И.Ю. Группы интересов и политический срез российских экономических реформ (критическая версия) //Полис. 1995. № 6. С. 83.

⁶ Шнипер Р.И. Региональные проблемы рынообразования // Регион: экономика и социология. Новосибирск, 1993. № 1 С. 3-13, Особенно содержательный анализ: Гоффе Н , Цапенко И. Россия в «шкуре леопарда»: социальные проблемы региональной политики // МЭиМО 1996. № 2. С. 17-25.

⁷ Сибирская газета. 1991. 31 августа.

⁸ Известия. 1991. 6 ноября.

⁹ Международная жизнь. 1993. № 4. С 7

¹⁰ Известия. 1992. 11 и 14 сентября; Московские новости. 1992. 20 сентября. С. 10.

¹¹ Достаточно сказать, что в 1995 г. лишь 15 субъектов РФ пополняли федеральный бюджет, а остальные его вместе с ними только потребляли (Независимая газета. 1995. 25 ноября).

¹² Попов В. Экономические реформы в России: три года спустя. Москва: Российский Научный Фонд, 1994. С. 32.

¹³ Как пишет ирландец Джим Хьюз, сибирские лидеры специально интересовались американской моделью федерализма и особенно тем, как губернаторы штатов лоббируют Вашингтон. В частности, глава администрации Новосибирской области, лидер «Сибирского соглашения» Виталий Муха посетил Денвер, штат Колорадо для изучения губернаторского процесса лоббирования (Hughes J. Regionalism in Russia: The Rise and Fall of Siberian Agreement // Europe-Asia Studies. 1994. № 7. P. 1140).

¹⁴ Григорий Агранат, например, подчеркивает квазилегитимный характер межрегиональных объединений, которые обостряют обстановку в российских регионах (Агранат Г. О региональном развитии и региональной политике // Свободная мысль. 1996. № 9. С. 23.)

¹⁵ Ohmae K. The Rise of the Region State // Foreign Affairs . 1993. Spring. P. 78-87.

¹⁶ Фарукшин М.Х. Субъекты федераций в международных отношениях // Полис. 1995. №5. С. ПО.

¹⁷ Агранат Г. Указ. соч. С. 23-24.

¹⁸ Hughes J. Regionalism In Russia. P. 1133.

¹⁹ Выражение принадлежит В. Каганскому: Каганский В. Советское пространство: конструкция, деструкция, трансформация // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 13-29.

²⁰ Смирнов В. П. Политическая история и политика // Политическая история на пороге 21 века: традиции и новации. М.: ИВИ, 1995. С. 240.

²¹ Raleigh D.J. Beyond Moscow and St. Petersburg.: Some Reflection on the August Revolution, Provincial Russia and Novostroika // The South Atlantic Quarterly. 1992. № 3. P. 603-619.

²² Московские новости. 1992. 28 июня, 25 октября; Комсомольская правда. 1992, 2 сентября; Литературная газета. 1993. 25 августа.

²³ Известия. 1992. 18 июня.

²⁴ Столь же невыразительным остался призыв Президента Ельцина к своим доверенным лицам разработать или найти в течении года «российскую национальную идею» // Известия. 1996. 13 октября.

²⁵ Независимая газета. 1995. 13 октября.

²⁶ Там же.

²⁷ Панарин А.С. Введение в политологию. Учебное пособие. М.: Новая Школа, 1994. С. 106-107; Walker R. Thinking about Ideology and Method // Political Studies. 1995. № 2. P. 333-342; Дискин И. Идеология «Новой России»: почва и ростки // Сегодня. 1996. 4 апреля.

²⁸ Он же показал существование четкой зависимости роста инфляции от масштабов расколотости общества: Попов В. Экономические реформы в России: три года спустя. Москва: РФФ, 1994. С. 4-6.

²⁹ НГ - Сценарий. 1996. № 6. 19 сентября.

³⁰ Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 43; Капустин Б. Национальный интерес как консервативная утопия // Свободная мысль. 1996. № 3.

³¹ Симбирский курьер. 1994. 14 апреля.

³² Независимая газета. 1994. 9 июля.

³³ Shils E. The Concept and Function of Ideology // International Enciclopaedia of the Social Sciences, vol. VII. 1968. P. 66-76. Концепция Шилза весьма плодотворно была использована немецким политологом Ульрихом Матцем в его исторической корреляции между кризисным сознанием Нового времени и веком классических идеологий. (См.: Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. 1992. № 1-2. С. 130-142).

³⁴ Даже близкая к ельцинскому окружению нижегородская область в своё время обратилась в Конституционный суд по привлечению к ответственности кабинета Гайдара в связи с нехваткой наличных денег (Нижегородский пролог. Экономика и политика в России. Нижний Новгород - Москва. 1992. С. 63).

³⁵ Хакимов Р. Россия и Татарстан: У исторического перекрестка // Молодежь Татарстана. 1995. №11. 17-23 марта.

³⁶ В идеологическом плане наиболее тяжелый случай — «чеченская революция» с ее целями и лозунгами.

³⁷ Амирханов Р.М. Национальная идеология и национальная политика // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Татарстан: Материалы научно-практической конференции. Казань, 1993. Ч. 1. С. 32.

³⁸ Абдулатипов Р. Только закон может остановить беззаконие // Независимая газета. 1996. 16 июля. С. 5.